

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

«Петр как гений видел одну цель...» (Замечания на статью Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович», «Русское слово», 1860, № 1)

[1)] Слово Стефана Яворского, митрополита Рязанского. До того вольнодумное, дерзкое, что, взяв в соображение проповеди тех же пастырей при воцарении хоть бы Елизаветы (угодничество, ласкательство, жертва совестью), удивляешься, как могли эти люди говорить такие речи при «грозном кровопийце» (как Петр), перед которым, по выражению того же Семевского, Иван Грозный романтик. Значит, могли же говорить при Петре, во всеуслышание, про Петра такие дерзости. <Далее было начато: Тут> Почему же могли? Была же причина! Какая? Или Петр позволял высказывать правду, или Стефан Яворский опирался на что-нибудь, чтоб не бояться. На что же? На силу царевича Алексея, на партию его, но Семевский прямо говорит, что не было партии никакой <23>.

В этой проповеди Стефан говорит, что бог дарует мир тем, кто любит господа, и в России мира поэтому не будет и многомятежная Россия волнуется. (Россия была Петр. Прямо сказано, что Петр не любил господа и закона его.) Сказано еще с глумлением: а какой закон у нас? Поставлен фискал и делает что хочет... Затем наглое, дерзкое, мятежное обращение к Алексею-угоднику, чтоб он не забыл тезоименника своего (царевича), хранителя заповеди божией, «...единую нашу надежду».

Если говорили такие проповеди, стало быть, почему-нибудь смели говорить. Петр прогневался и чуть было (говорит Семевский) не подверг Стефана опале. Чуть было! Что-то не ладится с кровожадностью Петра <9>.

2) Везде Семевский ужасно пристрастен к Алексею. Алексей пишет гадкое ругательное письмо <27>, Семевский тотчас говорит, что это тогдашние нравы, пьет <21, 23> — тогдашние

нравы, бьет кого-нибудь <3, 16> — тогдашние нравы. А Петр, воздержавший <ся> от сладострастий, — с глумлением замечается, что такие случаи у Петра слишком редки... <21>

3) Алексей и Цесарь. Царевич говорит Цесарю: «Привожу бога в свидетели, что я никогда ничего не сделал отцу или его правлению, никогда не думал о возмущении народа, хотя это не трудно было бы сделать, потому что народ меня любит, а отца ненавидит за его недостойную царицу, за злых любимцев, за уничтожение старых добрых обычаев и за введение много<го> дурного, наконец, за то, что отец, не щадя ни крови, ни денег, есть тиран и враг своего народа» <20>. — Слова ясные, понятно, каким образом царевич понимал и ненавидел Петра и реформу; ясно, что по воцарении он повернул бы все на старый лад.

4) В статье своей «Авдотья Федоровна Лопухина» («Русский вестник») Семевский представляет документы (переписка Досифея с Евдокией), из которых ясно <рядом с текстом начиная от стало быть до из которых ясно — вдоль полей и вверх страницы примечания: NB Для чего Семевский с такою любовью считает удары кнутьев? <45–46> Для чего с такою любовью помещает рассказы, которые сам считает не совсем верными, н<а>пример «Леди Рондо», [Для че<го>] или Плеера о Кикине <46–49> (о котором, впрочем, сам же рассказывает иначе в статье «Авдотья Федоровна Лопухина»). NB В выноске на странице 49 приведено замечательное мнение поэта А. С. Х<омякова> царевиче (из частного письма Семевскому). > видно, что надеялись на смерть Петра, на воцарение Алексея, на уничтожение реформы и даже искали случай для заговора (разговоры царевича с теткой <было: сестрой> Марьей Алексеевной).

5) Показания Евфросины.

«Письма писал царевич по собственному желанию по-русски из неаполитанской крепости; также сам писал жалобы на отца к Цесарю; ждал случая, когда можно с радостью возвратиться в Россию и говорил то, получая из ведомостей ложные известия о разных волнениях в русских войсках. Наследство желал прилежно, надежду имел на поддержку сената; старых перевести хотел всех, по воцарении, а завести новых; Петербург хотел бросить, а поселиться в Москве, кораблей не строить, войны не вести, лето проводить в Ярославле, довольствоваться владениями старыми. На случай воцарения своей мачехи говорил, что будет бабье царство» <38>.

Показание это писала Евфросинья собственноручно. Между тем Семевский говорит, что они писаны из угрозы и нельзя принимать их на веру <37–38>. Почему же? Почему же? Из того, что

мы знаем о характере Алексея, видно, что это действительно его мысли. Почему всё, что говорится против Алексея, — даже самое вероятное — ложно, а все против Петра — справедливо?

6) Семевский приводит как пример бесчеловечия Петра, что, <далее было начато: по заключении?> в день заключения сына в Преображенском, он издал указ о нерубке дубов, и потом, в день пыток, — о монстрах <36–37>. Это, может быть, идет к величию Петра.

«На троне вечный был работник».

Без него никто ничего не делал, следовательно, ему надо было делать. Это был железный человек, жестокий — положим.

Но ведь этот родной сын шел против него. Петр <было: Он> как гений видел одну цель — реформу и новый порядок. Ему беспрерывно были преграды, его раздражали преградами...

7) Семевский говорит, что не было ни одного факта, говорящего о том, чтобы царевич хотел вооруженною рукою похитить корону у отца <23–24, 65>.

Положим так. Но сношения с матерью, Досифей, Глебов, видения, предсказания, бегство к Цесарю, надежды на будущее и на Цесаря показывают, что если б только была <в рукописи: было> хоть малейшая возможность, он восстал бы на отца. Но не в том дело, а вот в чем главное: не за бунт вооруженный казнил Петр Алексея, а за то, что ужасался передать свое царство ему и погубить все свое дело. Реформа была Петру дороже сына, и он казнил его. В том, что Алексей погубит ее, он не ошибался. Никто не вливает вина молодого в мехи старые. (NB Оригинально, что Семевский восстает с ненавистью на разврат и грубость двора Петрова <6–7> (NB2 похожего на все дворы тогдашние). Но ничего не говорит о разврате и слепой ханжеской гадости двора Авдотьи Федоровны. Досифей, Глебов; всему этому сочувствовал Алексей и, кажется, Семевский).

8) Бассевич говорит, что Екатерина ходатайствовала за царевича <далее на следующей странице заголовок: О царевиче Алексее (Семеновский)> <40>.

9) Семевский говорит: г-н Устрялов думает, что царевич умер от пыток, спустя десять часов после третьей виски (ссылается на записку, виденную кем-то в государств<енном> архиве).

Семевский говорит: Устрялов может верить этому лицу, а почему же мы должны следовать его примеру? <49–50>.

Дело в том, что Семевскому очень хочется бросить еще тень на Петра, что он велел задушить сына. Он смотрит на Петра как на личного своего врага. Это уже возмутительно; так нельзя писать историку.

Ответ же Семевскому вот какой: сам Семевский собственноручно писал, что царевич был измучен пытками до того, что на 2-й виске бредил, а после третьей едва ли мог и говорить <39–40>. Очень возможно, что после такой пытки и умер, 10 часов спустя <вместо: 10 часов спустя — было: после 10 часов>, от истощения сил. Вот почему и верить можно.

10) На странице 39 Семевский подробно, ясно и отчетливо говорит о всех трех висках царевича, о том, как он бредил, помешался, не мог говорить и проч. (говорит как очевидец), а на странице 57 он сам говорит: «Положим, все обстоятельства этого вопроса (о письме Румянцева) мелочны: не все ли равно, засечен ли Алексей кнутом на 3-й виске, о которой, заметьте, есть только изустное известие какого-то таинственного лица; итак, под кнутом ли умер царевич, или под подушками — по-видимому, для потомства всё равно, но историк должен ли упускать эти мелочи?

Это говорит Семевский про Устрялова. А мы скажем про Семевского: историк может ли так сознательно себе противуречить?

